

Ю. Шевельов, – і зокрема романтизм «загальниковий» надолужував в історичній перспективі те, що в інших літературах виконував класицизм своїми «високими» жанрами» [4:30]. Творчість М. Петренка сміливо посіла це визначне місце. «У переборенні «котляревщини» Петренко був послідовнішим, ніж Шевченко, – і заключний акорд: – У створенні «чистої» дикції української поезії, не обтяженої реаліями побуту й подробицями щоденності, Петренко посів своє, окреме місце в історії літератури» [4:30].

Обставини українського літературного життя спричинилися до того, що «поезія Петренка обмежилася на жменьці віршів» [4:30], не діждалася жодного книжкового видання, продовжувачів не знайшла і фактично жодного місця не посіла. Сьогоднішній історик української літератури мусить виконувати працю археолога, який відкопує не колишні міста, а макети міст, що

ніколи не були збудовані. Такими міркуваннями закінчено розвідку про поета М. Петренка.

Тепер важливо повернутися до нашого початку і запитати: чи може малий поет мати велике значення? Так М. Петренко написав у своєму житті мало. Але в літературі сенс творчості ніколи не вимірювався кількістю написаного, а лише якістю доробку того чи іншого автора. У своїх поетичних відкриттях, особливому статусі, небажанні бути епігоном великого поета, який визначав зміст епохи М. Петренко не був малим поетом, він був поетом великим, що й довів у своїй статті про нього Ю. Шевельов.

Подяка: автор щиро дякує членам Харківського історико-філологічного товариства Сергієві Вакуленку та Катерині Каруник за консультації та допомогу в збиранні фактичного матеріалу для цієї студії.

Література

1. Куліш П. О. Характер и задача украинской критики / Пантелеймон Куліш // Історія української літературної критики та літературознавства. Хрестоматія : У 3 кн. : навч. посібник / Упоряд. П. М. Федченко, М. М. Павлюк, Т. В. Бовсунівська; за ред. П. М. Федченка. — К. : Либідь, 1996. — С. 263–269.
2. Л. Д. (Любов Дражевська). Доповідь проф. Ю. В. Шевельова «Шевченко і літературні течії сорокових років XIX століття» // Українські вісті. — 1964. — 14 червня. — С. 4–5.
3. Українка Леся. Збір. творів: у 12 т. / Леся Українка. — К. : Наук. думка, 1975. — т. 2 : Поеми, поетичні переклади. — 367 с.
4. Шерех Ю. (Шевельов Ю.). Інший романтик, інший романтизм // Шерех Ю. Третя сторожа : Література. Мистецтво. Ідеології / Юрій Шерех. — Балтимор — Торонто : Смолоскип, 1991. — С. 17–31.
5. Шерех Ю. (Шевельов Ю.). Михайло Петренко — майстер елегії / Ю. Шерех // Україна : українознавство і французьке культурне життя. — 1950. — № 1. — С. 246–249.
6. Яценко М. Т. Українська романтична поезія 20–60-х років XIX ст. / М. Т. Яценко // Українські поети-романтики : поет. твори / Упоряд. і приміт. М. Л. Гончарука; вступ. ст. М. Т. Яценка; ред. тому М. Т. Яценко. — К. : Наук. думка, 1987. — С. 5–37.

УДК 821.161.1 – 1 "19/20"

И. П. Поборчая

Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды

Тютчев в поэтическом мире Александра Кушнера

Поборчая И. П. Тютчев в поэтическом мире Александра Кушнера. Предметом дослідження в статті є особливості діалогізму у творчості О. Кушнера. У центрі уваги перебував інтертекстуальний зв'язок творів Кушнера з лірикою Ф. І. Тютчева, мотивно-образні паралелі, які характеризують особливості засвоєння поетом нашого часу традицій класичної російської літератури XIX століття. Показано, що тютчевський дискурс визначає багато напрямків розвитку поетичної думки О. Кушнера, при цьому ремінісценції та алюзії стають інструментом для створення ним власної картини світу, яка відображена в ліричній творчості поета.

Ключові слова: традиція, діалогізм, інтертекстуальність, ремінісценція, алюзія, мотив, образ, картина світу.

Поборчая И. П. Тютчев в поэтическом мире Александра Кушнера. Предметом исследования в статье стали особенности диалогизма в творчестве А. Кушнера. В центре внимания находилась интертекстуальная связь произведений Кушнера с лирикой Ф. И. Тютчева, мотивно-образные параллели, характеризующие особенности усвоения поэтом нашего времени традиций классической русской литературы XIX столетия. Показано, что тютчевский дискурс определяет многие направления развития поэтической мысли А. Кушнера, при этом реминисценции и аллюзии становятся инструментом для создания им собственной картины мира, отраженной в лирическом творчестве поэта.

Ключевые слова: традиция, диалогизм, интертекстуальность, реминисценция, аллюзия, мотив, образ, картина мира.

Poborchaya I.P. Tyutchev in the poetic world of Alexander Kushner.

The subject of the research in the article is peculiarities of dialogism in Kushner's poetry.

The main focus here is intertextual connection between Kushner's works and F.I. Tyutchev's lyrics, motive and image parallels which describe modern poet's specific way of understanding classical literature of XIX century. It is shown that Tyutchev's discourse determines many ways of Kushner's poetic ideas where reminiscences and allusions become a special tool to create his own world picture, reflected in poet's lyrics.

Keywords: tradition, dialogism, intertextuality, reminiscence, allusion, motive, image, picture of the world.

«Чем оригинальней поэт, тем естественней для него переключка с предшественниками. Это понятно – для переключки нужны два голоса: те, у кого нет своего голоса, не могут позволить себе и переключку, им нечем переключаться», – писал А. Кушнер в 1980 году [4: 111]. Одним из основных свойств его собственной лирики является установка на повышенную коммуникативность.

Диалогизм – явление, присущее любому тексту. М. Бахтин подчеркивал: «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее). Даже *прошлые*, то есть рожденные в диалоге прошедших веков смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конченными) – они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога» [1: 373]. В большинстве случаев диалогический аспект рассматривается современными учеными в рамках концепции интертекстуальности. Такое понимание природы диалогизма вполне применимо и в интерпретации художественной системы А. Кушнера. О том, что эта проблема волновала самого поэта, свидетельствует не только его поэтическое творчество. Специальная статья была посвящена Кушнером проблемам интертекстуальных стратегий в художественном творчестве. Сам поэт избегает терминологической усложненности и предпочитает слово «переключка», вынесенное в заглавие своего эссе. Однако, по сути, он затрагивает и по-своему трактует именно понятие интертекстуальности, усматривая в использовании «чужого слова», если воспользоваться бахтинским термином, «процесс закономерный, естественный и неизбежный» [4: 85]. В свойственном ему свободном литературном стиле А. Кушнер утверждает невозможность существования обособленных поэтических миров: «Поэзия не квартира с изолированными комнатами, это – лермонтовский космос, где “звезда с звездой говорит”» [4: 85]. Будучи не только талантливым художником, но и одаренным читателем, он приводит многочисленные примеры интертекстуального взаимодействия различных текстов поэтов XX-го и предшествовавших ему веков. Характеризуя художественные тексты, включающие отнюдь не очевидные интертекстуальные элементы, Кушнер полагает, что «поэт, используя чужой текст,

рассчитывает на знающего и умного читателя, которому не требуются сноски, указания и наводящие кавычки» [4: 87]. Этой же стратегии придерживается и он сам, вступая в диалог со своими предшественниками, иногда приобретающий полемический характер.

Особенности поэтического диалога поэта с его предшественниками рассмотрены в диссертации Ю. В. Поддубко «Мотивно-образная система лирики А. Кушнера» [13]. Виртуальными собеседниками Кушнера становятся Пушкин, Дельвиг, Баратынский, Фет, Манделштам и многие другие. Не является исключением и Ф. И. Тютчев. Тютчевский, как, впрочем, и любой литературный интертекст в художественной системе Кушнера, призван, в первую очередь, подчеркнуть эстетическую и интеллектуальную близость с цитируемым поэтом, а во вторую – создать у читателя ощущение единого текста русской поэзии, своего рода неразрывной лирической цепи.

Сформировавшаяся в художественном сознании А. Кушнера концепция непрерывности культурного развития и ставший непреложным для его философского миропонимания закон сохранения культурных ценностей обусловили характерное для поэта ощущение постоянного духовного присутствия его великих предшественников в современной действительности. Этим объясняется потребность в общении с ними. Для Кушнера, как верно подметил А. Пукач, «очередность эпох уступает ощущение их одномоментности» [14: 10]. Коммуникативный статус многих стихотворений Кушнера раскрывается в прямых обращениях к поэтам XIX – начала XX столетий.

Тютчевский дискурс часто определяется в творчестве Кушнера не только в прямой цитации, но и в сближении мотивно-образных структур. Свое отношение к наследию великого поэта Кушнер выразил и в целом ряде эссеистических произведений, среди которых особенно хочется выделить статьи «Стихи и письма» (1981) и «Душа хотела б быть звездой...» (1995) [5; 8]. Рецепция тютчевского творчества осуществляется им в нескольких направлениях. Это, прежде всего, восприятие творческой индивидуальности поэта, и в то же время это поэтический диалог, актуализирующий те или иные мотивные и образные параллели. И. А. Кудрявцева в качестве

основных форм «присутствия» любимых поэтов Кушнера называет «эпиграфы, посвящения, цитирование, а также те стихотворения, в которых биографический автор (тот или иной художник как реально существующее лицо) становится персонажем, и в этом случае в тексте возникает его образ» [3: 84]. Применительно к творчеству А. Кушнера в подтверждение своей мысли литературовед приводит единственный пример его стихотворения – «Когда бы Тютчев мог прочесть...». Между тем обращение к личности Тютчева определяет содержание многих стихотворений поэта. Среди них – «Пир», «И после отходной не в силах головы...», «На скользком кладбище, один...», «Мы в Мюнхене были, мы видели сад...», «Когда бы Тютчев мог прочесть, что здесь...» и многие другие. Свойственная Кушнеру тенденция к интимизации образов любимых поэтов находит выражение, например, в стихотворении «Поверх вещей», где современная бытовая ситуация вдруг воспринимается как двойник тютчевского повседневного бытия.

Стихотворения этого (назовем его «биографическим») плана уже привлекали внимание современных литературоведов. Помимо упомянутых работ И. А. Кудрявцевой и Ю. В. Поддубко следует назвать и диссертационное исследование украинского ученого – Л. Н. Ячник [18], где тютчевский дискурс в творчестве Кушнера рассматривается преимущественно в данном ракурсе.

Однако помимо биографических реалий существенный интерес представляет анализ тех стихотворений Кушнера, в которых находят свое продолжение и развитие характерные образы поэтического творчества Ф. И. Тютчева. Целью данной статьи и является исследование особенностей функционирования тютчевского интертекста в поэтическом мире А. Кушнера, характеристика зоны мотивно-образного пересечения двух индивидуальных художественных систем.

Многие произведения Кушнера диалогически обращены к тютчевскому художественному миру. Мы встречаем и отдельные переосмысленные в собственном контексте аллюзии, и трансформированные цитаты, как, например, «И вижу смысл, и верю в Бога, / Молчу, скрываюсь и таю» [9: 15], и многочисленные эпиграфы, восходящие к текстам Тютчева, уже бывшие предметом исследования в современном литературоведении. Привлекает Кушнера и философская составляющая тютчевской лирики, которая часто направляет развитие поэтической мысли в его произведениях. Так, в стихотворении «Живу ли я? Жива ли ты?» типичные для поэтики Тютчева образы мрака, полночного ветра, смерти,

да и само обращение к поэту («О, Тютчев, Тютчев, смерть сама / Во мраке льнет ко мне, тоскуя...») венчаются мотивом хаоса. Тютчевское «присутствие» обнаруживается здесь и в трактовке содержания самого понятия «разлука». Для Кушнера разлука является частью небытия:

Живу ли я? Жива ли ты?

Полночный ветер гнет кусты

И дышит с посвистом простудным.

И лишь свиданье в некий час,

Быть может, убедило б нас

В существованье обоюдном [7: 137].

Уверенность в «обоюдном» существовании укрепляется лишь при условии преодоления разлуки, в момент долгожданной встречи. Реминисцентная природа выражения «существованье обоюдное» становится очевидной в сравнении с фрагментом письма Ф. И. Тютчева к дочери Дарье, датированного 9/21 апреля 1868 года: «А мне, мне нужно твое действительное присутствие <...> Такое свидание убедит нас в обоюдном бытии и поможет нам думать иногда друг о друге» [17: 418]. Это письмо упоминает Кушнер в своем эссе «Стихи и письма». Но и в поэтическом творчестве Тютчева на одно из первых мест он ставит «мотив разлуки, времени, расстояния – их таинственной силы, их враждебности» [5: 141]. Не вызывает удивления поэтому и появление в собственном стихотворении Кушнера образа смерти.

Тревожное сознание лирического субъекта выделяет из окружающего враждебного мира и другой ключевой образ тютчевской лирики – хаос. Но в стихотворении «Живу ли я? Жива ли ты?» хаос вписывается в современную действительность, приобретая при этом материальные очертания: «Как дико воют поезда / От непосильного труда, / Твой хаос нам организуя!» [7: 137].

Этот же мотив актуализируется и в другом стихотворении Кушнера, восходящем к тютчевской концепции мироздания – «Хотел бы я поверить в час ночной...» [9: 7]. Но и здесь он претерпевает трансформации, характерные для поэтического сознания Кушнера. В этом произведении автор вступает в своеобразную полемику со своим предшественником. В понимании Тютчева «древний хаос» определяет темные первичные стороны существования мироздания и воспринимается как нечто непознанное и несущее угрозу земному бытию, но возвращающее человеческую душу к исходному родному космическому началу. Кушнер, человек совсем иного времени и мировоззрения, в своем стихотворении тоже размышляет о некой «предначертанности» и звездных орбит, и человеческих судеб. Но если Тютчев проникнут уверенностью в этом, то поэтическое сознание Кушнера лишь таит в себе надежду на «разумный

небосвод» и predeterminedность не только космического, но и человеческого бытия, о чем свидетельствует сослагательное «хотел бы я поверить...». Тютчевские претексты создают аллюзивное поле поэтических образов Кушнера. Но конструктивную роль в его стихотворении выполняет не устрашающий космогонический хаос, не подвластный управлению извне, а хаос как созидательный элемент мироздания: «...хаос – заготовка вещества, / Строительный несметный матерьял, / Подручная основа волшебства, / Чудесная возможность всех начал» [9: 7].

Тютчевские аллюзии определяют и пафос стихотворения А. Кушнера «О, да! Как мошкара над ярким фонарем...» [7: 344]. Как и в лирике Тютчева, в этом стихотворении Кушнера параллелизм природы и человеческого мира становится основным художественным приемом. Ощущая себя такой же мельчайшей частицей природы, «как мошка над огнем слезящимся», лирический субъект этого стихотворения задается теми же вечными вопросами, которые столетие назад волновали его предшественника. Сравнение с летящей на свет мошкой актуализирует мотивы уязвимости и опасности. Не случайно рефреном проходит обращение к незримому собеседнику: «Скажи, что...», выражающее сомнение в разумности мироздания и целесообразности собственного бытия:

Скажи, что знаем мы, куда летим во тьму,

Что страшный путь меж звезд осмыслен и понятен.

Над бездной яркий свет последний – и к нему

Приток эфемерид, и море черных пятен [7: 344].

Повелительное наклонение звучит здесь не столько как просьба, сколько как заклинание «всепоглощающей», но вряд ли в контексте кушнеровского стихотворения «миротворной» бездны: «Мы вынесены в ночь, мы выдвинуты в хаос. / И черная внизу шевелится беда» [7: 344]. Во всех этих образах узнаваем образный мир тютчевской поэзии: ночная тьма, звездная бездна, шевелящийся хаос.

Сближают лирику двух поэтов и размышления о соотношении мига и вечности. Одному из своих произведений А. Кушнер предпослал эпиграф из тютчевского стихотворения: «От жизни той, что бушевала здесь...». Воскрешая в памяти читателей стихотворение Тютчева, завершающееся знаменитым образом «всепоглощающей и миротворной» бездны, Кушнер позволяет себе не согласиться с утверждением своего предшественника относительно судьбы человечества. Для Тютчева «всепоглощающая бездна» не оставляет никакой надежды человеку не только на бессмертие, но даже на историческую память:

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?

Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них <...> [17: 140].

За двадцать лет до этого стихотворения в другом своем произведении («Смотри, как на речном просторе...», 1851) Тютчев уже выразил мысль о поглощении человеческого существования бездной вечности. Проводя параллель с тающим льдом, который весенняя река несет «во всеобъемлющее море», Тютчев и человеческую судьбу уподобляет этим уничтожаемым временем льдинам:

Все вместе – малые, большие,

Утратив прежний образ свой,

Все – безразличны, как стихия, –

Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщение,

Ты, человеческое Я,

Не таково ль твое значенье,

Не такова ль судьба твоя? [17: 92].

В позднем стихотворении Тютчева – «От жизни той, что бушевала здесь...» (1871), – которое И. Сухих справедливо назвал стихотворением-итогом, стихотворением-завещанием [15: 188], образ «всепоглощающей бездны» окончательно приобретает трагический фатальный смысл. Позиция Тютчева здесь близка к размышлениям Державина о тленности всего сущего в его последнем стихотворении «Река времен».

Характерно, что Тютчев ставит знак равенства между природой и бездной. В стихотворении «От жизни той, что бушевала здесь...» человечество со всеми его победами и поражениями мыслится лишь «грезой природы». Сама же природа, как уже отмечалось в литературоведении [2: 40], редко детализируется в стихах поэта. Чаще он воспринимает «природу как универсум, природу в ее космических проявлениях» [12: 152].

Иначе видит природных явления А. Кушнер. Свойственное ему тяготение к созданию детализированного мирообраза обуславливает и подробность воспроизведения природных реалий. В его поэзии изображаемый объект природы – конкретно «этот», индивидуально выхваченный из потока бытия. Нельзя сказать, что Кушнер не принимает тютчевского космизма. Он тоже размышляет о вечности, но воспринимает ее не столько в качестве роковой вселенской бездны, сколько в виде непрерывной смены культурных парадигм, видит в ней хранилище созданных человеческим гением ценностей. В сочетаниях *человек/природа* и *человек/культура* Кушнер скорее предпочитает последнее, хотя никогда не ставит своего лирического героя перед таким ограничительным выбором. Да и существует ли противопоставление природы и культуры?

Примечательно, что в беседе с А. Кузнецовым в 1986 году Кушнер высказал мысль об их единстве: «Природа и искусство не разделены трагической чертой, искусство представляется мне частью природы, одним из драгоценнейших ее проявлений» [6: 315].

Пессимистический пафос тютчевского стихотворения «От жизни той, что бушевала здесь...» чужд Кушнеру. Он не склонен утверждать, что все человеческие достижения исчезают бесследно и даже память о них канет в жерло столетий, как писал Тютчев в другом своем стихотворении: «И канет в темное жерло / За годом год» [17: 63]). По мысли же нашего современника, есть ценности, которые достойны вечного существования:

От жизни той, ах и от этой тоже,
На разные шумящей голоса <...>
Поэзия останется одна!
И скажем прямо, это ль не удача?
Ведь пережить могло бы что-нибудь
И менее заветное... [7: 365].

В лирической форме здесь выражена убежденность поэта в том, что переделывая и «переиначивая» все тягостные житейские реалии, «всю эту тьму и жуть», одна лишь поэзия остается в веках подругой «тех курганов, / Двух-трех дубов, в стихах воспетых им» [7: 365]. Все подвержено тлению, и лишь поэзия способна стать хранителем человеческой памяти. Так тютчевский интертекст, поставленный в сильные позиции эпитафия и финала стихотворения Кушнера, продуцирует развитие философской мысли в современной поэзии.

Параллель между природой и культурой образно выражена и в другом стихотворении А. Кушнера – «Так ветер куст приподнимал...» [11: 28]. В нем актуализированы два коммуникативных ряда: безмолвный диалог происходит между лирическим субъектом и кустом жасмина и виртуальный диалог – с Тютчевым. Оба они взаимосвязаны в сознании лирического субъекта:

Так ветер куст приподнимал,
Такой клубился белый свет,
Плеча касаясь моего,
Как если б Тютчев мне сказал:
Зайдите, будет только Фет
И вы, а больше никого [11: 28].

Эта первая их трех строф стихотворения выполняет роль вступления. Остальные две поровну разделены между коммуникантами. Во второй строфе белеющий в ночи жасмин создает магический круг, в котором преобразается человек, обретая «прилив счастливых, юных сил». Диалог с природой тем самым активизирует способность человека к восприятию вечности. Заключительная строфа воспроизводит

предполагаемое содержание возможной беседы лирического субъекта с Тютчевым:

О чем мы будем говорить?
Что могут мне они сказать?
И что сказать могу я им?
О двух столетях, может быть?
Зачем же так их огорчать?

И Тютчев скажет: помолчим [11: 28].

Примечательно, что все стихотворение о такой желанной встрече с великими предшественниками венчается тютчевской аллюзией, прозрачно отсылающей читателя к знаменитому стихотворению «Silentium!». Так две поэтические волны сливаются в едином потоке лирического творчества.

Философские размышления о жизни и смерти, о времени и вечности часто в поэзии А. Кушнера имеют полигенетическое происхождение. Так, стихотворение «Кто ты? Что ты?..» [10: 12–13] корреспондирует, прежде всего, со стихотворением «Тоска маятника» И. Анненского. Об этом свидетельствует и предпосланный ему эпитафия из названного произведения Анненского, и само содержание кушнеровского стихотворения. Между тем это не стилизация, хотя проблематика и даже склонность к повторам в имитации звука часов (у Анненского: «так-то, так-то»; у Кушнера: «кто ты? Что ты?») сближает эти произведения. Анненский передает ощущение дискомфорта, навязчивого присутствия некоего существа – полусумасшедшего, полуманьяка, с неотступным рвением отмеряющего сроки человеческой жизни. Кушнер уже в первой строфе стихотворения называет «философские заботы» азами детской жизни. Этим объясняется и отказ от метафизического понимания времени: «А исканий и запросов / Я не знаю никаких» [10: 12]. Да и заканчивается стихотворение отсылкой к характерной для Анненского «тоске», но отсылка эта прозаизирует всю философскую ситуацию, привнося в нее оттенок иронии: «Я их в комнату другую, / Под шумок перенесу: / Пусть там тикают впустую, – / От тоски себя спасу» [10: 13].

Однако эта полемическая переключка с Анненским была бы понята слишком упрощенно, если бы стихотворение Кушнера не было обращено и еще к одному источнику – тютчевской «Бессоннице». В этом стихотворении Тютчева тоже сквозным мотивом проходит мотив времени, овеянный ощущением неизбежной тоски:

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!
Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас? [17: 34].

Здесь тоска поэта определяется именно теми причинами, которые Кушнер в своем произведении отвергает как «жизни детские азы». Он прямо перечисляет чисто тютчевские проблемы бытия, которые для него перенесены в разряд отброшенных «исканий и запросов». Это, прежде всего, ряды «роковых перерождений, / Переломов, катастроф, / Вековых нагромождений / Установок и основ» [10: 12]. Нетрудно в перечисленном узнать философские категории тютчевской лирики, в частности, увидеть переключку со строками его стихотворения «Бессонница»: «Нам мнится: мир осиротелый / Неотразимый Рок настиг – / И мы в борьбе, природой целой / Покинуты на нас самих» [17: 34]. Не тот ли это Рок, который ведет к «последнему катаклизму», воспетому Тютчевым? Кушнер далек от такого мировосприятия, как отстранен и от экзистенциальной тоски Анненского. Но так ли далек, если учесть обращение к наследию этих поэтов?

Прямым диалогизмом отмечено и кушнеровское стихотворение «Душа – элизиум теней...». В нем начальная формула душевной субстанции прямо восходит к стихотворению Тютчева «Душа моя, Элизиум теней...». У Тютчева мир души – это райское содружество светлых и прекрасных теней, далеких от земных треволнений и сиюминутных забот: «ни помыслам години буйной сей, / Ни радостям, ни горю не причастных» [17: 58]. Поэт даже задается вопросом, обращенным к душе: «Что общего меж жизнью и тобою?». Душа противопоставлена в его стихотворении земному бытию, пошлой и бесчувственной толпе. Так выстраивается вертикаль *небо/земля*, которая со всей очевидностью определяет мотивный ряд и другого стихотворения Тютчева, взятого Кушнером в основу своего диалога с поэтом. Перефразированное начало стихотворения Тютчева «Душа хотела б быть звездой...» [17: 40] используется Кушнером в полемическом ракурсе [10: 16]. В стихотворении Тютчева оппозиция *небесное/земное* не столько разделяет, сколько рассматривает полюса как составляющие единого универсума. Это то самое романтическое «чувство “вселенской жизни” – единства и цельности мирового бытия», о котором говорит А. Тархов в своей статье «Творческий путь Тютчева» [16: 5]. При этом у Тютчева ночные светила приобретают то сходство с человеческим миром («Сии светила, как живые очи...»), то с неким горним, небесным, божественным началом: «Они, как божества, горят...» [17: 40]. Для Тютчева потребность души в сближении с небесным миром обостряется не в

ночном осмыслении ирреального начала мироздания, а в период трезвого дневного мировосприятия.

В стихотворении Кушнера мотив всеединства мира, несмотря на всю цитатную близость к тютчевскому творчеству, решается по-своему. Наиболее частотным предстает в кушнеровском стихотворении образ тьмы: это ночная, «надмирная тьма», неземное сияние, в котором неугасимым светом горят звезды, это «хладная вечность», где они пребывают «миллионы лет». Основное пространство стихотворения занимает именно характеристика ночного мира звезд. Их образ доминирует. Образ души значительно уступает в объеме лирического сюжета. И всё же именно он определяет главную интенцию автора. Как и у Тютчева, в стихотворении Кушнера возникает оппозиция *ночь/день*. При этом ночной мир холодных звезд выглядел бы совсем безжизненным, если бы не сопоставление с человеческой душой, «омытой летним днем». Таким образом, сюжетообразующую роль в стихотворении играет мотив уподобления звезды и души друг другу. При этом мотив тоски становится объединяющим началом в сопоставлении этих двух образов: душа тоскует по небесному миру, мечтая стать звездой, в то время как холодная звезда, лишённая душевной теплоты, возможно, мечтает о смертной участи земного человека. Характерно, что одну из статей о творчестве Тютчева Кушнер завершает именно образом души как наиболее частотным в творчестве своего предшественника: «Не природа, не стихия, не хаос, не ветер, не день, не свет, не тьма, не сон, не ночь, не звезда, не жизнь, не бог, не любовь, не мысль – душа, вот слово, пронизывающее всю поэзию Тютчева. Нет другого поэта, который был бы загнипнотизирован ею в такой степени, занят ею с такой страстью, так сосредоточен на ней» [5: 159].

Тютчева Кушнер называет в числе любимейших поэтов. Но это не означает рабского следования путями своего кумира. В статье «Переключка», написанной еще в 1980 году, А. Кушнер утверждал: «...цитирование плодотворно тогда, когда чужой текст вступает в неожиданное соотношение с вновь создаваемым, обостряя его новизну, служит не задачам стилизации, а задачам создания нового поэтического слова» [4: 86]. Следование этой стратегии мы и наблюдаем во многих произведениях поэта, в том числе и основанных на рецепции тютчевского образного мира.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. Бухштаб Б. Русские поэты : Тютчев. Фет. Козьма Прутков. Добролюбов / Б. Я. Бухштаб. – Л. : Худож. лит., 1970. – 247 с.
3. Кудрявцева И. А. Поэт и процесс творчества в художественном сознании А. Кушнера: дисс. ... канд. филол.

- наук : 10.01.01. Русская литература / И. А. Кудрявцева. – Череповец, 2004. – 184 с.
4. Кушнер А. Переключка // Аполлон в снегу: Заметки на полях / А. С. Кушнер. – Л. : Сов. писатель, 1991. – С.85 – 113.
  5. Кушнер А. Стихи и письма // Аполлон в снегу: Заметки на полях / А. С. Кушнер. – Л. : Сов. писатель, 1991. – С.139 –159.
  6. Кушнер А. Аполлон в снегу: Заметки на полях / А. С. Кушнер. – Л. : Сов. писатель, 1991. – 512 с.
  7. Кушнер А. Избранное: Стихотворения / Предисл. И. Бродского / А. С. Кушнер. – СПб. : Худож. лит., 1997. – 496 с.
  8. Кушнер А. «Душа хотела б быть звездой...» // Аполлон в траве. Эссе. Стихи / А. С. Кушнер. – М.: Прогресс–Плеяда, 2005. – С. 46 – 80.
  9. Кушнер А. Облака выбирают анапест / А. С. Кушнер. – М. : Мир энциклопедий Аванта+. Астрель, 2008. – 95 с.
  10. Кушнер А. Вечерний свет : Книга новых стихов / А. С. Кушнер. – СПб. : Лениздат, 2013. – 111 с.
  11. Кушнер А. Земное притяжение : Книга новых стихов / А. С. Кушнер. – М. : Время, 2015. – 96 с.
  12. Маймин Е. А. Русская философская поэзия. Поэты-любомудры, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев / Е. А. Маймин. – М. : Наука, 1976. – 190 с.
  13. Поддубко Ю. В. Мотивно-образная система лирики Александра Кушнера : дисс. ...канд. филол. наук : 10.01.02. Русская литература / Ю. В. Поддубко. – Харьков, 2015. – 219 с.
  14. Пукач А. «По границе прошлого с грядущим...» / А. Пукач // Вопросы литературы. – 1980. – №8. – С.3–37.
  15. Сухих И. Н. «От жизни той, что бушевала здесь...» Ф. И. Тютчева / И. Н. Сухих // Анализ одного стихотворения. Межвузовский сб. / Под ред. В. Е. Холшевникова. – Л. : Изд-вл ЛГУ, 1985. – С.187 – 198.
  16. Тархов А. Творческий путь Тютчева / А. Тархов // Тютчев Ф. И. Стихотворения. – М. : Худож. лит, 1972. – С. 3 – 24.
  17. Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма / Ф. И. Тютчев. – М. : Правда, 1986. – 544 с.
  18. Ячник Л. Н. Интертекстуальность в поэзии Александра Кушнера и русская литературная традиция: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02. Русская литература / Л. Н. Ячник. – Харьков, 2015. – 224 с.

УДК 821.161.2 – 31 Винниченко.09+811.111 – 31.Орвелл.09

А. С. Промська

Національний університет цивільного захисту населення України

Дискурс тоталітаризму в інтерпретації В. Винниченка та Дж. Орвелла

(на матеріалі романів «Слово за тобою, Сталіне!» та «1984»)

Промська А. С. Дискурс тоталітаризму в інтерпретації В. Винниченка та Дж. Орвелла (на матеріалі романів «Слово за тобою, Сталіне!» та «1984»).

У статті зроблено спробу дослідити специфіку художнього втілення дискурсу тоталітаризму на матеріалі романів В. Винниченка «Слово за тобою, Сталіне!» та Дж. Орвелла «1984» шляхом типологічного зіставлення літературного доробку та світоглядних позицій обох митців, проведено паралелі між біографічними реаліями та їхньою художньою інтерпретацією в творах письменників. Стаття допомагає виявити й цілісно проаналізувати особливості філософсько-естетичних підходів обох романістів до потрактування таких важливих категорій у їхній творчості як держава й особистість, демократія й терор, особистість і маса, можливості досягнення людством щастя в похмурому тоталітарному світі.

Ключові слова: В. Винниченко, Дж. Орвелл, роман, тоталітаризм, дискурс, свобода, влада, особистість, мислення, щастя.

Промская А. С. Дискурс тоталитаризма в интерпретации В. Винниченко и Дж. Оруэлл (на материале романов «Слово за тобой, Сталин!» и «1984»). В статье предпринята попытка проанализировать специфику художественного воплощения дискурса тоталитаризма на материале романов В. Винниченко «Слово за тобой, Сталин!» и Дж. Оруэлл «1984» путём типологического сопоставления литературного наследия и мировоззренческих позиций обоих художников, проведены параллели между биографическими реалиями и их художественной интерпретацией в произведениях писателей. Статья помогает выделить и целостно проанализировать особенности философско-эстетических подходов обоих романистов к трактовке таких важных категорий в их творчестве как государство и личность, демократия и террор, личность и масса, возможность достижения человечеством счастья в мрачном тоталитарном мире.

Ключевые слова: В. Винниченко, Дж. Оруэлл, роман, тоталитаризм, дискурс, свобода, власть, личность, мышление, счастье.